

Виктор БУТАНАЕВ

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ХАКАСОВ В XIX В.

Мақалада Хакасияның Ресейге қосылу кезіндегі территориялық ерекшеліктері көрсетіледі. Автор сондай-ақ қыстық және жаздық қоныстарды иеленген хакастардың жерді пайдаланудағы айырмашылықтары мен патшалы Ресейдің олардың жер қатынастарына қатысты шешімдерін мұрағат деректері арқылы ұсынады.

Bu makalede Hakasya'nın Rusya egemenliği altına alınması dönemindeki toprak özellikleri incelenir. Yazar bununla beraber kışlık ve yazlık ilişkilere sahip Hakaslardaki toprak kullanım farklılıkları ile Rusya'nın Hakasların toprak ilişkilerine has kararlarını arşiv verileri esasında sunar

До присоединения Хонгорая (Хакасии) к России, как сообщали русские письменные источники, эта земля “имела владения кыргызских татар и взята войною, а оные татары согнаны в калмыцкую сторону” [1] т.е. в Джунгарию. Сибирские власти не хотели признавать исторической преемственности минусинских татар, т.е. хакасов, с енисейскими кыргызами, дабы игнорировать их права на землю.

Российский закон не желал идти на серьезные уступки в отношении владельческих прав скотоводов Хонгорая на занимаемые пространства. Во второй половине XVII века кыргызские князья, находившиеся в вассальной зависимости от джунгарского контайши, получали от него специальные грамоты на право владения своими улусами. Например, в 1700 г. красноярские казаки организовали военный поход в Тубинский улус, в результате которого многих кыргызов “побили и жен их и детей побрали в полон, и письма, которое ему Шандычке [Шанды Сенчикенев – глава Тубинского улуса – В.Б] от Бушухту-хана дано для владения улуса своего на том же бою взяли” [2]. Исходя из этого факта, можно заключить, что земли долины Среднего Енисея были юридически закреплены Джунгарией за кыргызскими князьями. По всей видимости, калмыцкие правители широко использовали опыт феодальных отношений, применявшийся во многих центрально-азиатских государствах, и выделяла своей знати ленные владения под названием “суюргал” (по-монгольски “соёрхол” – милость, соизволение; пожалование ч-либо; подарок) [3. 107].

31 августа 1708 г. Цинский Китай выразил протест против постройки в 1707 г. русскими Абаканского острога и потребовал его ликвидации. На владение “урочищем Хонгорая” претендовал хотогойтский князь Дзасактухановского аймака Гун-Бубей. Он был племянником Гендун-Дайчина – последнего правителя государства Алтын-ханов. Гун-Бубэй заявлял: “Тою де землю Хонгорою издавна владел дядя мой Гейдун-Дайчин, ево улус – киргизы, уранханя, моторы, они кочевали”. Однако Россия дипломатично ответила,

“что та земля бывала кочевья киргизского, а их, киргизов, Цаган Араптан [Цеван Рабдан – джунгарский контайша] все со всеми взяли и мы отнего, Цаган Араптана, для бережения вместе [с бывшими киштымами кыргызов – Б.В.] караулы поставили...” [4]. Несмотря на русскую дипломатию, в 1709 г. Цинский император “высочайше пожаловал” область Кема (букв. Енисей), т.е. Туву и Хонгорай, приемному сыну последнего Алтын-хана – Гун-Бубею (1704-1730). Последний монгольский наместник номинально владел территорией Верхнего Енисея вплоть до 1727 г. когда, согласно Кяхтинскому миру, северная часть Саян отошла к России.

После присоединения Хонгорая к России в 1727 г. территория долины Среднего Енисея стала частью Российского государства. Однако, хонгорцы, некоторая часть которых в XVII в. выполняла военную службу наряду с казаками, отстаивала свои права на занимаемые земли. Так, например, скотоводы Качинской степной думы в общениях с русскими властями утверждали, что степные просторы долины Среднего Енисея завоеваны “у контайшинских татар [т.е. кыргызов –В.Б.] красноярскими казаками и качинскими ясашными” [5]. С другой стороны, в своем фольклоре хакасы отстаивали позицию добровольной передачи Хакасско-Минусинского края джунгарским правителем Амыр Сараном [т.е. Амур Саной – последним главою ойратов – Б.В.] русскому царю и на основе мирного договора отвергали право собственности царского правительства на их территорию [6. 82]. “Земля, вообще, считается вполне принадлежащей инородцам, как их вечная собственность, и они очень удивляются, когда слышат закон, что земля не их, а государства, а они только пользуются ей” – писал в начале XX в. Н.Несарцев [7. 43].

В течение XVIII в. некоторые хакасские башлыки от имени царского правительства получили владетельные грамоты. Подобные действия были связаны с целью закрепления позиции Российского государства в Южной Сибири. Одну из первых владетельных грамот от русского царя получил чайзан Наир [8]. Вероятно, это произошло во времена Петра I после постройки Абаканского острога, т.к. башлык сагайской волости Наир Тулбечеков упоминается в русских документах за 1705-1715 гг. На основе указа воеводской канцелярии от 13 июля 1746 г. (№ 912) бельтырам отводились земли по р. Монок и р. Сое [9]. Во время царствования императрицы Екатерины II Высочайшим манифестом от 19 сентября 1765 г. за хакасами Качинской и Койбальской землиц были закреплены их земли и реки с дарованием владетельной грамоты [10]. Впоследствии именная грамота койбалов сгорела в юрте чайзана Егора Кобрякова. Взамен сгоревшего документа в 1840-х гг. они выхлопотали копию из Казенной палаты. Но, через десять лет, в конце 1850-х гг. она была выкрадена у бега Чубугина. Во второй половине XIX в. ни в одном ведомстве не находилось

старинных документов, доказывавших права хакасов на занимаемые земли. В 1841 г. Сагайская дума сообщала: “Полоса земли, занимаемая ныне инородцами соединенных племен, никакими правительственными и местными распоряжениями за ними не утверждена, и границы оной не определено. Но они пользуются правом этого владения, во-первых, потому, что они есть кочевые, ... и, во-вторых, по древним правам переданным им от прадедов их; но на эти права в настоящее время никаких письменных актов не сохранилось” [11].

Российский закон признавал права кочевых народов Сибири на занятые ими территории, предоставляя им определенные возможности на пользование землями; но право собственности на их земли принадлежало государству [12. 9]. В XIX в. хакасское ведомство (дума, управа) являлось юридическим лицом, которому было присвоено право владения на землю. “Каждое родоначалие имеет полное и неоспоримое право в вещах, кой составляют его владение как-то: леса, воды, земли и право на сии вещи, пользуясь всем тем, что леса и воды в себе заключают и на землях произрастает; а чрез сие пользуется также правом отдавать в наймы с общего согласия родовичей рыбную ловлю, заимки, поля, луга и пастбища”, – гласил §37 проекта свода степных законов [13]. Согласно документам Кызыльской степной думы “... по степному закону и обычаю, кочевые инородцы могут переходить с одного места на другое по всей степи сей думы, с переносом и домов, так что могут образовывать и улусы на новом месте, а старые улусы могут уничтожаться, и в каждом улусе жители могут постоянно переменяться”. По обычному праву территория ведомства составляла своеобразную, большую земельную общину. Такое положение сохранялось у кочевников с древнетюркских времен. Например, даже в Золотой Орде “ни один частный человек не может владеть каким-либо участком земли, но вся страна в своей целостности есть достояние общее” [14. 101].

Земли хакасского региона были разграничены только между ведомствами, причем примерно до середины XIX в. и эти границы были довольно условными. В пределах степной думы каждый скотовод имел право занимать любое место для кочевья и пастбищ, если оно не занято другим. Общинное отношение к земле отразилось в хакасской пословице: “чирнің – суғның хулы чоғыл” – “земля и вода не имеют своего раба”, т.е. земля общая и собственность на кочевые просторы отсутствует.

В начале XIX в. Койбальская дума сообщала, что по правой стороне р. Абакан “жительствоют качинцы с древнего времени [еще до 1765 г. –В.Б.] на земле, принадлежащей Койбальскому родоначалию, между коими не происходит никаких споров” потому что и койбалы на их местах кочуют. В 1858 г. сагайские башлыки в ответ на захватническую политику качинского бега Картина заявляли, “что владение их, как они слышали от отцов своих и сами знают, простирались от гор Сабинских по речкам Чабашу и Самакану,

впадающих с правой стороны в Абакан неподалеку от Саянского форпоста, а по левую сторону Абакана, против того же форпоста по ту сторону горы Изык, по речке Уйбату на р. Кутень-булук, а от оной на реку Белый Июс, от оной на реку Белый Июс, от которой чрез речку Улень на речку Тюльгучул и далее к Кузнецкой границе” [15]. В XIX в. степная долина речки Уйбат оказалась занятой “перешедшими из Красноярского уезда с речки Качи, прежде именовавшимися по имени той речки качинскими, а ныне абаканскими инородцами” [16], которые “самовольно перекочевали в средину наших инородцев и на принадлежащие нам места без всякого дозволения и как места те еще не были нам нужны, то мы и не трогали их более потому, что и наши инородцы кочуют на землях Абаканской управе принадлежащих”. Качинское ведомство, наиболее мощное в экономическом отношении, прибрало в свои руки часть территории койбалов и сагайцев. В 1858 г. минусинский земской исправник решил в пользу качинцев спор о территории долины Камышты, “приняв в уважение, что они на те места прорыли водомочительные каналы и исправляют проселочную дорогу от занимаемого ими места до своей грани, т.е. до левой стороны р. Уйбата”. Несмотря на сопротивление сагайцев, в 1885 г. граница прошла по р. Камышта и вся степная долина Уйбата оказалась в руках качинцев [17]. Во второй половине XIX в. территории ведомств подверглись общему межеванию. В 1890 г. всего за хакасскими ведомствами и управами значилось около 35 тыс. кв. км.

До 1876 г. качинцы за проживание на Койбальской земле “по заключенному договору платили инородцам Койбальского рода 110 руб. в год” с каждого кочевья. Но в 1885 г. Абаканская управа заявила Енисейской Казенной Палате, что “местностью этою они владеют бесспорно давно 200 лет, ими обработана, посему и отошла по межеванию землемера Ведерникова в дачу Абаканской управы...” [18]. В результате этой экспансии к качинцам отошла степь по правому берегу Абакана длиной в 60 км.

Каждый аал имел свое закрепленное место для зимника и летника. Например, в 1856 г. Сагайская дума уведомляла русскую администрацию, что жители “имеют кочевье на принадлежащих им землях, в своих улусах, перекочевывая на летнее и осеннее время не далее 10 верст от зимнего кочевья, в котором живут и весною до травы, а потом перекочевывают на те же места, где и прошлое лето были, самые эти перекочевки обыкновенно бывают в последних числах мая и сентябре”. В 1842 г. Койбальская дума подтверждала, что “ясачные ведения сего родоначалия есть кочующие инородцы не занимающие от природы никогда хлебопашеством, а единственно имеют только пропитание от одного скотоводства и частью звероловства, переходя ежегодно с одного места на другое в ведомстве своем” [19].

При изучении поземельных отношений у хакасов необходимо учитывать различия в землепользовании между зимними и летними

поселениями. Зимники были закрепленными местами обособленного пользования каждого аала, так как вокруг них располагались покосы, пашни, водопой и т.д. Летники находились на выгонных землях и представляли места общего пользования. Например, на лето аалы Шатов, Халтаров и Мойнашев объединялись в местности по р. Куяс; аалыХараколь, Тарчы и Белый Балахчин – на берегу оз. Айранколь; аалы Монанов, Мойты и Бойтанов, расположенные по р. Б.Сыры, имели общий летник по Средним Сырам; аалы Кызыл Карасук, Харамарчы, Алты Карасук и М.Монок перекочевывали за 5 км. На р. Сос в местность Хырхазы и т.д. этот вид землепользования существовал также у многих скотоводов Сибири и Центральной Азии.

Земельный надел – “үлек” хакасских скотоводов включал в себя: усадьбу и хозяйственные постройки (теергін), летний колодец (хутух), зольную яму (күрүмдүк), участок сенокоса (сабын), а в подтаежных местностях – и пашни (тарлағ). Баи устраивали рядом с усадьбой телятники, т.е. огороженные большие участки земли с хорошей травой, где держали телят. Усадьбы составляли частную собственность. Их нельзя было ни урезать ни уменьшить, ни снести без согласия владельца. Усадьбы могли продаваться и быть предметом завещания, но с ограничением – без права передачи их представителям чужой управы. Однако, по обычному праву хакас являлся полновластным собственником только на дом, юрту и другие постройки, но не на усадебную землю. “Усадьбы, пока на ней кто-нибудь живет, сообщал Н.Несарцев, - считается собственностью поселившегося, а как он только перешел в другое место, то всякий может поселиться на это место”. Новые усадебные места в степи могли возникать без ведома общины. Если кто-нибудь поселялся на покосе, то на лето он должен был его покинуть. Точно такие же законы существовали у тьянь-шаньских кыргызов. “Летовки и зимовки занимаются киргизами на правах потомственного пользования. Устройство арыков, усадеб, строений ... превращает землю в частную собственность” [20. 104].

Признаком права на территорию зимнего стойбища являлся слежавшийся назем – “көн”, на месте долгой стоянки скота. “Көн” давал право хозяину ставить юрту на том же месте и в последующие годы. Некоторые полукочевые селения, как, например, аал Камышев, так и назывались “көндегі аал” – т.е. стойбища на наземе. Идентичное правило бытовало у казахов под тем же названием “көн”, а также у соседних тувинцев, именовавших их “өдек”- букв. Назмище (у бурят – утуг). “Помещение для скота никогда не чистится, – отмечал Е.Яковлев, – так что в окруженном частоколом загоне для овец поверхность для навоза внутри частокола возвышается над уровнем земли на 1-2 аршина. Такое назмище у сойот представляет наследственную улусную собственность, без которой они не могли бы спасти свой скот от морозов. Назмище (юдек) ежедневно перед впуском в него скота, разрыхляется и вошедший скот ложась

погружается в него, как в хорошую перину” [21. 38]. Места таких стойбищ с назмищем считались у тувинцев наследственными. Для закрепления права на летнюю стоянку хакасские номады осенью, перед откочевкой на зимник, на месте очага юрты закапывали кутырь (харын) топленого масла, который хранился в естественном холодильнике всю зиму, а в конце весны появлялся бывший хозяин, выкапывал масло и опять ставил свою юрту над прошлогодним очагом.

Хотя вся степная территория ведомства представляла общий выгон (за исключением приаальных участков), фактически значительная ее часть была в руках у баев. Ими использовались как экономические методы концентрации земли в своих руках, так и частично вне экономические. Ценились в основном зимние пастбища, где имелись незамерзающие родники, колодцы и природные укрытия – лога. Согласно народной молве, многие баи не пересчитывали свои многочисленные стада, а определяли полноту их по заполненному логу. Удобные для загона лошадей и овец лога, расположенные около летников, были захвачены или освоены баями. Летом они загоняли туда на ночь свои табуны. Такие естественные укрытия, называемые по-хакасски “чир сиден” т.е. “земляные поскотни”, были недоступны для бедняков. Например, на горе Ызых и горе Сахсаар многие глубокие лога до сих пор носят названия “земляные поскотни” баев Кочен Сартыкова, Силбен Картина, Алап Созыевой и других. Кроме того, баи окапывали глубоким рвом плодородные участки в степи, где держали скот или устраивали пашни. Такие захваченные и окопанные степные участки назывались “чир хазаа” – земляной двор.

На лучших зимних пастбищах по всей управе баи устраивали свои заимки - “манаан чир” (букв. возделанная земля). На заимочную территорию посторонний скот не должен был заходить. Незамерзающие родники и колодцы оказались в байских руках. Баи огородили их, и поэтому скот рядовых скотоводов подчас оказывался без зимних водопоев. Бедняки вынуждены были зимой пасти скот в степи, где негде было укрыться от снежной пурги.

Вокруг зимних усадеб на пригорках скотоводы столбили участки “өрген”- букв. прикол, для выпаса рабочих лошадей на подножном корму. Осенью, когда еще не промерзла земля, на отведенных местах вбивались колья. Для одного коня нужно было установить 40 кольев, на расстоянии двух арканов (один аркан равнялся 6 сажням) друг от друга. Зимой к нему привязывали рабочего коня, который здесь пасся. Такие участки назывались “ат отхарчаң чал” – косогор для выпаса коней. За работу по установлению 40 кольев платили годовалого барашка (сілеке). Если кто-нибудь использовал чужой “өрген”, то хозяин имел право подать на него в суд и требовать возмещения убытков.

Первоначально каждый хакасский сеок имел принадлежавшие ему земли, а также свое родовое кладбище – “сыырат”. Но с течением времени

всякие права собственности на родовые угодья уничтожились, заповедным остались только могильные территории – “хорыг”. Однако на кладбище не делали оградок, ибо за землю пришлось бы платить. Чтобы покойник владел в потустороннем мире своим местом, ему в могилу бросали медные монеты за выкуп земли, называемые “чир толызы” т.е. оброк. У средневековых тюрок и монголов заповедные угодья, принадлежавшие феодалам, носили такое же название – “хорыг” [22.38]. Кочевые правители по своему желанию объявляли “запретными” определенные участки своих владений, которые отводились под ханские кладбища, заповедные пастбища и земли господской охоты. У хакасов земля “хорыг” считалась заповедной с точки зрения религиозных запретов, но не отгораживалась от территории общего выгона для скота. Человек не имел права пользоваться ею в качестве места поселения. Вина за нарушение запретных мест, требующая наказания называлась “хорыг пырозы”.

Огороженные покосные угодья баи превращали в наследственные участки, называемые “пулуң” – букв. угол, т.е. участок. По островам р. Абакана находились наследственные участки: Пай пулуң (Котожековых), Ордиска пулуң (Картиных), Ягор пулуң (Шахалдаевых), Кочен пулуң (Аткниных) и др. Проводя оросительные каналы, баи закрепляли за собой даже территории летников. Когда баи Шат Кирбижеков вывел оросительный канал из реки Куяс, то аалы Шатов, Халтаров и Мойнашев лишились летних поселений.

Важное практическое значения имел вопрос об эксплуатации соляных источников Хонгорая, которые в XIX в. отошли в ведение органов казенного управления. К ним стали применять правила о порядке отдачи Казенных соляных источников в “частное содержание” т.е. “соляные источники на землях кочевых инородцев отдаются желающим с торгов” – писал Д.Лаппо. Например, в 1843 г. Койбалская дума сообщала: “Находящееся в Койбалских землях наших небольшое соленое озеро “Пузунныг-кель” от думы в 6 верстах до 1839 года доставляло нам выгоды, которыми не воспретил нам пользоваться и сам бывший Гражданский губернатор А.Степанов при осмотрении найдя, что кроме горького бузуна в нем не может быть много настоящей соли. На просьбу нашу не воспрещать нам добывать соль рассмеявшись, сказал: “что кто желает умереть, так может варить для себя сколько хочет”. На что хотя и откровенно мы говорили, что умеем отделять от настоящей горкую и, имея много свободного времени, не отягатимся за 18 верст заготовлять дрова, чтоб саженью выварить около двух пудов чистой соли, за которую от крестьян получали хлеб, солили рыбу в значительном количестве, которая также поступала в продажу, а во время болезней скота посыпали ею сено, отчего скот поправлялся. Все это выслушав, Его превосходительство похвалив нас за признание и позволил нам пользоваться вываркою препятственно, чего ныне лишены” [23]. “Само собой разумеется, – отмечал Д.Лаппо, – что отдача с торгов соляных

источников влечет за собой прилив на инородческие земли русского населения... Таким образом в значительной степени ослабляется сила правила, воспрещающего русским самовольно без условий с инородцами селиться на их землях. Неудивительно, что русские все более и более врезаются в инородческие земли, захватывая последние и все более и более суживая пастбища, покосы и воды инородцев” [24].

Минеральное озеро Шира, являющееся целебным источником, оказалось в руках местного управления государственными имуществами. Около него вырос русский поселок – курорт. Хакасские хозяйства, отказавшиеся платить “посаженную” плату за землю под юртами, были снесены. Сами хакасы не могли взять себе в толк, как это на “тех землях, которые они искони считают своими, где гуляли их табуны и пасся их скот, возникли сооружения, казенные и частные, и явились пашни” [25].

Согласно параграфу §31 “Устава об управлении” русским строго запрещалось “самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных”. Во второй половине XIX в. на просторах степных дум посторонним, т.е. русским и даже хакасам чужих ведомств, не разрешали пасти скот, возводить заимки, пахать землю, рубить дрова, ловить рыбу и т.д. За пользование пастбищами, пашнями, лесом, рыбными угодьями и другими богатствами управой взимались оброчные деньги “чир ахказы”. Например, качинцы Черепан Чаптыков с братьями, занявшие в начале XIX в. места по правобережью Абакана, “сами объясняют в своих бумагах, что они живут на землях Койбальских и за право пользования угодьями их платят им в виде оброка 100 рублей” [24].

Лес на территории ведомства по обычному праву принадлежал всему обществу. Жителям других ведомств пользоваться им запрещалось. Больше всего лесных массивов находилось на территории кызыльцев и сагайцев. Например, во второй половине XIX в. по Сагайской думе насчитывалось 521467 десятин лесной земли (до 7 дней ходу по тайге), а в Койбальской только 568 [25].

По островам крупных рек имелись тальниковые рощи личного пользования. Такие участки по-хакасски назывались “тал”. Например, по р. Абакану: (Кыштымов) Судай талы, (Шалгинов) Манас талы, (Кулагашев) Клан талы и т.д. Рядом с “талами” баи ставили зимник, а иногда, захватив их, загораживали из городью. По традиции хакасы зимой круглые сутки топили каминны “соол” тальниковыми дровами. Обязательно рядом с юртой складывали штабеля тальниковых дров, называвшихся “саалта”. Владельцы тальниковых рощ считали себя полными хозяевами. “Я вырастил, я и пользуюсь”, – говорили они. Талы, принадлежавшие аальной общине, распределялись между общинниками и облагались налогом, который назывался “тал ахказы” – букв. тальниковые деньги. Сбор налога “тал ахказы” происходил вместе со сбором албана [26]. Подобные сборы происходили в аале Азраков с Макина Тодаха (Тодах талы), Доможакова Оклина (Оклин талы), Конгарова Ойкана (Ойкан талы) и др.

Таким образом, по праву завоевания земли Хонгорая стали собственностью Российской империи. Документы, выданные кыргызским бегам джунгарскими ханами на владение улусами, изымаются у наследников. В рассматриваемый период юридическое право владения землей стало принадлежать хакасскому ведомству, угодья которого распределялись в основном между аальными общинами. Как и во всех кочевых обществах экономические отношения в Хонгорае строились на двух важнейших основаниях: "частной собственности на скот и корпоративной собственности на пастбища".

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. ЦГАДА. Ф.199. порт.516. д.2.л.134 об.
2. ЦГАДА. Ф.214. оп.5. д.1953. л.4 об.
3. Большой академический монгольско-русский словарь. т.3. М., 2001.
4. Русско-китайские отношения в 18 веке. Т.1. 1700-1725. М., 1978.
5. Ачинский филиал ГАКК. ф.26. оп.1.д.178.л.7.
6. Чирим тамырлары. Хакас кип-чоохтары. Абакан, 1982.
7. Несарцев Н. Материалы к изучению обычного права инородцев Минусинского уезда //Сибирский наблюдатель. Кн.3. 1905.
8. ЦГАРХ. ф. р-675. Оп.1.д.5. л.10.
9. ЦГАРХ. Ф. И-2. Оп.1.д.857. л.2.
10. Ач. Фил. ГАКК. ф.26. оп.1.д.178. л.86.
11. ЦГАРХ. Ф. и-2. Оп.1. д.325. л.5.
12. Лаппо Д.Е. Общественное управление Минусинских инородцев //Известия ИТУ. Кн.25. Томск, 1905.
13. ЦГИА. Ф. 1264. Оп.1. д.280.л.100.
14. Россия 16 века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.
15. ЦГАРХ. Ф. и-2. Оп.1. д.613. л.6.
16. ЦГАРХ. Ф. и-2. Оп.1. д.648. л.6.
17. Ач.Фил. ГАКК. ф.26. оп.1. д.221. л.97.
18. Ач.Фил. ГАКК. ф.26. оп.1. д.221. л.5 об.
19. ЦГАРХ. Ф.и-1. оп.1. д.116. л.2.
20. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала 20 века. М., 2002.
21. Яковлев Е.К. Этнографический оброз инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900.
22. Древнетюркский словарь.
23. ЦГАРХ. Ф. и-1. оп. д.125. л.7.
24. ЦГАРХ. Ф. и-2. оп.1. д.1250. л.4.
25. ЦГАРХ. и-2. оп.2, 9. 178; д.1397. л.26.
Сагаякова Анис 1900 г.р., сеок пурут, аал Азраков.

RESUME

Butanaev V.Y. (Abakan)

The Land Problems of Khakas in the 19th century.

The article is devoted to the Land problems of Khakas peoples in the 19th century and Russia decisions of this matter.